

РУДИЯР

ОДЕРЖИМОСТЬ 3

САГА О РУССКОЙ ИДЕЕ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2021

УДК 82-343.4
ББК 87.7
Р83

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Рудняр

Р83 Одержимость 3. Сага о русской идее. — М.: Тотенбург, 2021. — 336 с.

ISBN 978-5-9216-2375-0

Эта книга написана в память о всех тех, кто прокладывал свой путь в реалиях 2000-х. О тех, кто ходил маршами и сражался с новой, чуждой моралью. О тех, кто ценит узлы боевого товарищества превыше всего. О тех, кто крушил, поджигал — и разжигал, уверовав, что победить можно только насилем.

Но пролитая кровь плодотворна лишь в том случае, если в нее брошены семена. Так в чем заключается идея? Когда она становится жизнеспособной? И как должен прожить свою жизнь воин перед тем, как увидит огни Вальгаллы? Об этом и многом другом рассуждает Рудняр в «Саге о русской идее».

**УДК 82-343.4
ББК 87.7**

© Рудняр, 2021

© Илья Захаров,
художественное оформление обложки, 2021

ISBN 978-5-9216-2375-0

© Издательство «Тотенбург», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	7
ЧАСТЬ 1. БРИТЫЕ	11
Глава 1. ДМБ.....	13
Глава 2. Гараж.....	25
Глава 3. Прямое действие.....	39
Глава 4. Стрела	55
Глава 5. Изнасилование	70
Глава 6. Битва у мэрии.....	84
Глава 7. Уличные войны.....	99
Глава 8. Еврейский заговор	117
Глава 9. Маски-шоу.....	132
Глава 10. Падение фюрера	144
Глава 11. Гитлерюгенд.....	157
Глава 12. Подарок Волка	170
ЧАСТЬ 2. ОПГ.....	183
Глава 1. Sex and drugs and rock and roll	185
Глава 2. Казнь	198
Глава 3. Цыган.....	211
Глава 4. Должник	224
Глава 5. Валить надо.....	236
Глава 6. Смерть «Черносотинска».....	249
Глава 7. Блицкриг.....	262
Глава 8. Война миров.....	274
Глава 9. Подполье	285
Глава 10. Баня	298
Глава 11. Ворон вызывает Лиса.....	309
Глава 12. Ликвидация	320
ПОСЛЕСЛОВИЕ	332
ОБ АВТОРЕ	334

*Посвящается моим сыновьям, Руяну и Ивору,
с пожеланием отыскать свой третий путь.*

ОТ АВТОРА

Я не собирался ни писать, ни тем более издавать эту книгу. «Одержимость» должна была стать диалогией, но... Разве правильно молчать лишь потому, что кому-то может не понравиться то, что ты скажешь? Я решил написать третью сагу, когда понял, что её ждут.

Эта сага о детях девяностых, которые в нулевые искали свои высшие ценности на обломках некогда великого государства, осознавая себя частью некогда великого народа. Их бытием, определившим сознание, были нищета, воровство и тотальный нигилизм. Их лозунгом прозвучало «Ломай систему!», а смыслами стали сила и свобода, которые они несли в мир так, как умели: с помощью арматуры, дробовиков и коктейля Молотова.

Вместе с главными героями повести я предлагаю пройти по кровавым страницам третьей саги в поисках русской национальной идеи и попытаться ответить на вопрос «что значит сегодня быть русским?».

*«Если к двадцати годам вы не идеалист — у вас нет сердца,
но если к тридцати вы всё ещё идеалист — у вас нет мозгов».*

Рэндольф Борн

ЧАСТЬ 1

БРИТЫЕ

*Нас много на белом бессолнечном свете.
Мы — честных родителей нищие дети.
Нас много, но в грустной разбитой Отчизне
везде есть другие хозяева жизни.
Они захватили над нами высоты,
у них «Мерседесы», «Фиаты», «Тойоты»,
для них над волнами цветёт Ла-Валетта,
плывут пароходы в круиз вокруг света.
И, словно монета из чистого золота,
в их жадные руки Россия зажата.
У них есть трибуны — читать нам законы.
У нас есть таланты, лачуги, иконы.
Они как приказы, а мы как вопросы,
им ищут алмазы, нам кинут отбросы.
На общей планете — фальшивое братство,
здесь честности не понимает богатство.
Им вместе так тесно, так душно, так плохо.
Коснутся друг друга — и вспыхнет эпоха!*

Марина Струкова

ГЛАВА 1

ДМБ

Гвоздь ступил на тротуар потёртыми подошвами изношенных берцев. За спиной по-казённому стукнула дверь КПП, равнодушно выплюнув на свободу очередного дембеля. Гвоздю захотелось на прощание проорать во весь голос:

— ИДИТЕ НА Х..Й!!!

Но он подумал, что не стоит начинать новую жизнь с такого неоднозначного лозунга. Впереди всё виделось красивой сказкой, готовой обласкать новоиспечённого героя с блестящими цацками на клапанах кителя. Эх, коня мне златогривого!

Коня подавать никто не спешил. Вместо коней по тротуару бежали гражданские, не обращая внимание на сержанта, сияющего в лучах весеннего солнца. Гвоздь, щурясь, изучал светило: хорошо светит, щедро, совсем не так, как там, за забором. Но, впрочем, один чёрт с дальневосточным акцентом. «Дорога домой будет долгой и пьяной», — подумал Гвоздь, переводя взгляд на суетливо перетаптывающегося рядом Санька.

— Не, ну ты только посмотри на это! Вот твари! — возмущался Санёк, осматривая свои штаны, полученные ещё накануне на складе. — Ну как в этом домой ехать? Это ведь не комок, это тряпка половая!

Он аж подпрыгнул на месте от распирающей его пролетарской ненависти.

— Ну надо же так солдата ободрать! Два года носил обноски после контрабасов, думал, на дембель как человек пойду, а тут на тебе!

И тут из его головы, которая российскому солдату нужна для того, чтобы ей есть и материться,

со скоростью пулемётной очереди полетело всё, что Гвоздь минуту назад хотел выкрикнуть сам.

— Да ладно... Сейчас зайдём на рынок к косоглазым, оденемся по-гурани.

Гвоздь приятельски хлопнул Саньку по плечу, прерывая бесконечную череду проклятий.

— Ага... Вся надежда только на них, на косоглазых. Кто ещё оденет русского сержанта, если не тот китаец, от которого я границу два года стерёг?

Зря Санёк так яростно возмущался. Свой дембельский костюм он тупо проспори́л однополчанам, а спортивная форма, предусмотрительно приобретённая ещё полгода назад, лежала у него сейчас в дорожной сумке. Всё, что было нужно обоим, — это какие-нибудь лёгкие дешёвые куртки, которые спасут от апрельских холодов и позволят затолкать засаленные старые бушлаты в мусорку.

На рынке действительно было много китайцев. А если точнее, среди продавцов были только китайцы. Пройдясь вдоль рядов, Гвоздь уразумел, что все они ни бельмеса не понимают по-русски.

— Слушай, Санёк... А как они торгуют, если по-русски ни гу-гу?

— А нафиг им русский? Пальцем в деньгу ткнуть и так можно. У, морды... Тебя бы на их месте незнание языка тоже не остановило.

— Зачем это?

— Зачем? — переспросил Санёк и, подойдя к ближайшему лотку, потряс какой-то отвёрткой. — Ты знаешь за сколько этот узкоглазый джентльмен приобрёл сей инструмент на том берегу Амура?

— Нет...

— Вот. А знал бы — не задавал таких глупых вопросов. Это сверхприбыль, отец! Накрутка 1000 процентов. А делов-то — через речку переехать.

— Вот как... А ты переживал, чем на гражданке заниматься будешь. Может, отвёртки продавать?

— Отвёртки?

— Ага... Отвёртки. Это ж сверхприбыль. Делов-то — через речку переехать.

Санёк уставился на Гвоздя так, словно тот сказал сейчас что-то хорошее об армии.

— Отец, да кто тебя туда пустит?

— Печально... — кивнул Гвоздь.

— Да уж, печальнее некуда. Было бы иначе, стали бы шариться русские дембеля по китайским рынкам.

Наконец, найдя подходящие по цене и внешнему виду шмотки, они вышли с рынка и взяли курс на гостиницу. До поезда было ещё часов десять, так что оставалось предостаточно времени на сон и еду. Поэтому они завернули в ближайший продмаг за водкой.

— Девушка, — Гвоздь обратился к юной продавщице, — вы не подскажете, где можно пополнить баланс телефона?

В его кармане лежал новенький Siemens M65 — надежда и гордость. Гордость — потому что сие был подарок благодарных сыняр с заставы, а надежда — потому как Гвоздь очень надеялся, что не ударит на гражданке с такой трубой в грязь лицом.

Продавщица кивнула головой в сторону терминала. Гвоздь с Саньком неуверенно подошли к аппарату и какое-то время глупо перетапывались перед ним.

— Это что за хрень? — шёпотом спросил Санёк.

Гвоздь только многозначительно вздохнул, морща лоб.

— Да... Похоже, цивилизация далеко ушла за те два года, что мы с тобой где-то пропадали...

Чувствуя себя полными оленями, они вывалились на улицу. Двухэтажная шаражка, гордо именуемая гостиницей, была в ста метрах.

Тускло светила шестидесятиваттная лампочка под грязным потолком гостиничного номера, напоминавшего Гвоздю общагу из студенческого прошлого. Всё, как тогда... Ночь, водка и «Роллтон». Санёк напротив, заседая на расшатанном стуле, словно на трибуне Мавзолея, эмоционально повествовал о своей нелёгкой судьбе, подчёркивая главные мысли вульгарными жестами и периодически вставая на паузу, чтоб пополнить внутренние запасы огненной воды и занюхать очередную дозакровку куском ржаного хлеба.

— Ты думаешь, все даги по жизни борзые? Во!

И он сунул Гвоздю под нос пропахший табаком кукиш.

— Вот слушай, какая история у меня во взводе была, когда я ещё в ШСС чалился. Ко мне духа одного закинули из дагов — задроченного... И ни одного зёмика у него под боком! Понимаешь? Ни одного!

Гвоздь понимал. Когда дага один — с ним можно договориться. Когда дагов много — договориться с ними значительно сложнее.

— Так его опускали все, кому не лень! Даже самые последние олени на сортир его напрягали. Дошло до того, что он на работки-то ходить боялся, всё скулил: «Товарищ сержант, оставьте меня в подразделении...» Я и оставлял его — жалко было. Ну что я, зверь, что ли???

И он что есть силы ударил себя кулаком в зелёный тельник, натужно вытаращив глаза и исказив пьяную морду скорбной гримасой, которая должна была свидетельствовать о его безграничной любви к простому солдату.

— Не знаю... — промычал Гвоздь, наливая ещё по одной, — пока не разобрался...

— Ааа!.. — Санёк махнул рукой и продолжил: — А потом, прикинь, кидают мне ещё одного такого же абрека. Ещё одного! И всё... Ты понял? Всё! Пошла губерния плясать... А... Засада! Они вдвоём весь взвод построили. Этот вчерашний задрот посылки у своих сослуживцев отжимать начал. Как так??? Я ему говорю: «Ты вспомни, мудила, как ты вчера ещё на полах стирался...» А он: «Не, товарищ сержант, не было такого...» Охреть... И что делать? Что я могу сделать, когда личный состав проявляет такую безответственность? А ты знаешь, Гвоздь, как за Родину обидно?!

Гвоздь шарахнул кулаком по столу:

— Вот сука!!!

Посуда с нехитрой закусью подпрыгнула кверху, а пустые пластиковые стаканчики полетели на пол.

— И ведь они нас за людей не считают... — Санёк вцепился в локоть Гвоздя, пытаясь поймать его мутный взгляд. — Мы для них мясо, рабы. А наши бабы для них шлюхи, все поголовно.

Санёк швыркнул соплями так, что стало понятно: ему действительно обидно за всех русских женщин.

— И говорить с ними можно, только предварительно стукнув башкой о стену, потому что вежливость они понимают как слабость, а уважать умеют только силу. Только силу!!!

Старенький табурет под ним, наконец, не выдержал и с хрустом завалился на бок, увлекая за собой Саньку, попутно стукнувшегося башкой о спинку кровати. Гвоздь подумал о том, что митинг окончен и неплохо бы вздремнуть хотя бы часик до поезда. И как бы потом ещё никого не убить своим перегаром...

В поезде было тихо, как на посту наблюдения. С той лишь разницей, что мерно постукивали колёса, напоминая старую истину о дембеле, который неизбежен. Оценив ситуацию, Гвоздь решил, что они единственные уволенные в запас военнослужащие срочной службы в этом железнодорожном составе. Похоже, дорога к дому будет не только долгой и пьяной, но ещё и тихой. Почти безвредной.

— Пошли в тамбур, покурим, — предложил Санёк.

В тамбуре они наткнулись на подозрительного паренька в спортивном костюме. Подозрительным в нём было то, что он был подозрительно похож на Гвоздя с Саньком.

— Погранец, что ли? — спросил Гвоздь, кивая на тельник, видневшийся под костюмом.

— Ага... — улыбаясь, тот протянул для рукопожатия ладонь.

— Пошли к нам бухать, — сразу перешёл к делу Санёк, видимо, считая, что мужчина не должен ходить вокруг да около.

— Давайте лучше вы к нам! У нас там на заставу припасено, нам одним не справиться! — и, ухватив Гвоздя за рукав, новый знакомый потащил его за собой в соседний вагон.

Однако состояться очередной пограничной ликёро-водочной кампании было не суждено. В узком проходе колонна дембелей попала в засаду. Тяжёлая самоходная проводница, массой превосходящая всех троих, удивительно проворно выскочила из купе и перекрыла проход железобетонной грудью.

— Назад!!! Не пущу!!!

Гвоздь сразу понял, что встретившая их в поезде тишина была обманчивой. Судя по всему, сражения

за интересы разноплановых социальных групп тут шли уже не один день. И решительное выражение лица проводницы явно свидетельствовало в пользу её богатого боевого опыта. Маневрировать в узком проходе не представлялось возможным, подмоги ждать было неоткуда, а посему дембеля решили не испытывать судьбу и совершили тактическое отступление. Мол, утро вечера мудренее...

На следующий день, продрвав глаза, Гвоздь с удивлением отметил две вещи. Во-первых, с ними в вагоне ехали китайцы. Много китайцев. А во-вторых, поезд был битком набит дембелями разных родов войск. И, судя по всему, гражданским приходилось очень нелегко.

Санёк, используя прихваченный с заставы русско-китайский разговорник, уже терроризировал какую-то молодую китаянку:

— Нимынь циньфала улёсы гоцзин! Тоус ян ба!

— Ты чё к ней пристал?

— Практикую китайский, пока есть возможность. Они по-нашему вообще не рубят.

— Ты думаешь, они рубят по-твоему? Сам-то понял, что сказал?

— Так тут всё написано! Вы нарушили границу России! Сдавайтесь!

Гвоздя улыбнуло:

— В плен её, что ли, брать собрался?

— А что? Прикинь, вернусь в деревню с китаянкой. Скажу, на границе выловил.

— Ну-ну... Пожрать есть что?

— Есть подгон от братьев по оружию из соседнего вагона. Вон, под столиком стоит.

Гвоздь тяжело вздохнул: под столиком стояла початая полторашка пива.

Последующие дни дали Гвоздю опыт глубокой трансцендентности, а потому не могут быть описаны в строгом хронологическом порядке. Посталкогольная амнезия стёрла из памяти основные события того путешествия, превратив попытки вспомнить всё в некую ментальную абстракцию. Дембельский поезд в художественной интерпретации должен быть похожим на «Чёрный квадрат» Малевича. Впрочем, если очень поднапрячься, Гвоздь мог оживить некоторые обрывочные видения, но, как правило, старался избегать этого, так как все воспоминания оборачивались муками совести.

Вот взять хотя бы заблёванный Саньком тамбур. Гвоздь не блевал, но ему было стыдно за соотечественника. И, более того, за земляка!

— Эх, люди! Да осталась ли в вас хоть капля человеческого??? — орал Гвоздь на весь вагон, как командир части на большом разводе. — Это же (и он потряс липким от пролитого пива пальцем в сторону стоящего на четвереньках Санька) мог быть и ваш сын! Он два года, не переставая, лил кровь на российско-китайской границе, чтобы мы с вами, чтобы вся страна могла спать спокойнооо-оо-ооо! — он затянул навзрыд, явно давя на жалость. Гражданские сидели молча, пытаясь понять, чего от них хотят. Гвоздь уразумел, что обращаться ко всем — значило не обращаться ни к кому.

— Отец, — он рванул к пожилому мужчине, сидевшему у окна, — ну, да ё-моё! Ну ты-то хоть понимаешь, насколько всё это трагично?

Санёк помахал бритой башкой и куда-то пополз.

— Понимаю, — ответил мужик, — от меня-то ты чего хочешь?

— Да ты можешь слово за него замолвить? Ведь его сейчас с поезда снимут, проводница за ментами побежала!

— Да и хрен с ним! — воскликнул пенсионер. — Одним придурком меньше! Надоели уже, сил нет!

— Людииии!!! — снова заголосил Гвоздь на весь вагон, — да будьте же вы людьми! Его же мать родила!

Тут он, похоже, попал куда нужно: какая-то женщина зароптала, мол, да поговорите уже с проводницей. К ней присоединилась ещё одна, и нервы мужиков не выдержали. Навстречу патрулю вышла делегация гражданских, пока Гвоздь прятал Санька в туалете. Правда, долго прятаться Санёк не мог по причинам алкогольно-психического характера и вскоре учесал в другой вагон искать себе приключения. А Гвоздь сел пить пиво к случайному попутчику, оказавшемуся военным прокурором. За поеданием копчёного байкальского омуля завязалась оживлённая беседа.

— Ты обратил внимание на то, что она всю дорогу ничего не ест? — сказал прокурор, махнув рукой в сторону китайки.

— Не-а...

— Конечно, тебе же некогда. А между тем, очень интересная картина получается. Жрать им нечего, деньги экономят... А едут-то они в Москву. Зачем?

— Зачем?

— Деньги зарабатывать, вот зачем!

— Они ж ни одного слова по-русски не понимают. Как они будут в Москве деньги зарабатывать?

— Оооо... — глубокомысленно протянул прокурор, вытирая газеткой масляные руки, — а там, куда они едут, знание русского языка необязательно.

— Как это?

— А вот так. Есть в Москве такие территории, где с некоторых пор для проживания русский язык не только необязателен, но, порой, и нежелателен.

Прокурор хихикнул, доставая из кармана рубашки пачку сигарет.

— Пойдём покурим, сержант, за жизнь пообщаемся...

В тамбуре Санёк прессовал какого-то китайца.

— Закурить дай, морда! — кричал он, размахивая перед вполне интеллигентным узкоглазым лицом кулаком с татуировкой «За ПВ».

Китаец вжался в угол и растерянно хлопал глазами, спрятанными за прозрачными стёклами очков.

— Ты, морда, счас познаешь гнев русского пограничника! Я тебе ещё Уссурийский припомню! Давай драться!

Санёк изобразил, как понимал, боевую стойку, совершая устрашающие пассы руками, и завопил:

— Ииййяя!

Китаец вжался в стенку ещё сильнее, явно пытаясь диффузировать.

— Кунг-фу! — орал Санёк. — Шаолинь! Когти тигра!

Прокурор решил спасти иностранца и протянул Саньку сигарету. Тот встретил неожиданный подгон мутным взглядом, напряжённо осознавая происходящее, взял сигарету и, что-то матерное бубня себе под нос, испарился. Виногато улыбаясь, китаец выскользнул в противоположном направлении.

— Вот, — прокурор кивнул ему вслед, — все китайцы сейчас через таможду едут. А вы границу только от сбежавших из больничек дураков охраняете.

Гвоздь глубоко затянулся и выпустил едкий дым в тесное пространство тамбура.

— Ну, у нас на заставе в подвале и узкоглазые сидели. Браконьеры.

— Браконьеры... — понимающе кивнул головой прокурор. — Ты думаешь, это проблема? Ты думаешь, что это — настоящая проблема?

— А что проблема?

Прокурор иронично улыбнулся, выразительным движением указательного пальца стряхивая на пол пепел.

— Ты видел, сержант, как они границу стерегут?

— Они её не стерегут.

— В том-то и дело. Им незачем. Ломятся с их стороны, а не с нашей. Это у них экономический бум, демографический взрыв, а у нас — свободные территории. Ты хоть знаешь, что в их школьных учебниках Сибирь отмечена как исконно китайская земля, захваченная русскими? Да откуда тебе знать?.. Но это всё лирика. Пока ты думал, что землю свою стерёг от врага, давно землю твою предали и продали, и вот эти китаёзы, что с нами сейчас в Москву едут, лучшее тому свидетельство. Нет больше Родины.

— А что есть?

— Экономические интересы отдельных групп лиц.

И, докурив, он оставил Гвоздя стоять в раздумьях и в табачном дыму. Прислонившись к грязному окну, Гвоздь вспоминал о том, как начальник заставы отлавливал китайских браконьеров и передавал их в отряд. Отряд передавал их представителям сопредельной стороны, а потом круг замыкался, и они снова попадали в руки майора. Возможно, китайцев это забавляло. А вот майор ненавидел их по-настоящему. Люто ненавидел. Поэтому он всегда старался сбегать на своих замов обязательства по организации товарищеских встреч с представителями пограничной службы КНР. На таких встречах обычно все напивались до усрачки за мир и дружбу между народами, а майору дружба с Китаем была не нужна. Ему нужна была война. Он лично возглавлял секреты и караулил узкоглазых на островах Амура, просиживая зябкими ночами в лодке среди тростника.

Со временем начальник перестал привозить на заставу свою добычу. Он нашёл свой способ борьбы

с браконьерством на подответственном ему участке государственной границы. Он просто избивал китайцев при задержании. Их джонки разбивал, а сети конфисковывал. В свою пользу.

Гвоздь вспомнил, как китайцы на их участке границы сумели ночью спереть трактор, оставленный нашими колхозниками в полях. Погрузили на катамаран и переправили через Амур. Были и случаи откровенных диверсий, когда пограничники обнаруживали у российского берега ёмкости с отравой. И, возможно, если бы не такие, как вот этот майор, у всех нас давно были бы узкие глаза и превосходное знание китайского языка.

— Я вам ещё Уссурийский припомню... — повторил Гвоздь, бросив недокуренную сигарету на пол, и, раздавив её подошвой дешёвой китайской тапки, добавил: — Ты у меня была последней...

ГЛАВА 2

ГАРАЖ

Несмотря на ночной кумар, Гвоздь легко запрыгнул в автобус, удерживая одной рукой фуражку-взлётку, а другой — спортивную сумку с барахлом.

— Домой едешь? — весело бросил водитель, принимая мятую сотку.

Гвоздь в ответ кивнул, скользнул взглядом по пустому салону, с трудом просунул в карман неразношенных брюк сдачу и упал на передние сиденья. Персональный автобус до Чернокостинска! Можно часок вздремнуть, если, конечно, получится. Ведь чем ближе к дому, тем чаще бьётся сердце, и воспоминания будоражат ум всё сильнее.

Санька, пьяного и с разбитой рожей, родители забрали накануне вечером с поезда. А Гвоздю пришлось ночь кантоваться на автовокзале, чтобы первым же рейсом ехать до родного городка, затерявшегося среди медленно тающих полей, смешанных лесов и болот, по которым как раз в эту пору вся охотничья братия гоняла уток. Гвоздю тоже не терпелось накинуть на себя патронташ, достать с сейфа изящный Зверобой и пойти мерить широким шагом родную землю, наслаждаясь СВОБОДОЙ!

От этих мыслей аж голова кругом пошла. Свобода — она имеет свой запах, самый сладкий, самый желанный запах на свете. Но понимать это начинаешь лишь тогда, когда оказываешься за казённым забором.

Гвоздь с удовлетворением посмотрел на до блеска начищенный носок берца, поймал рукой металлический наконечник акселя и покрутил его в пальцах, вспоминая майора. За пару недель до приказа началь-

ник вызвал его в канцелярию и вручил этот наконецник лично в руки:

— Помни, сержант, заставу! Многое у тебя в жизни будет, но такого не будет уже никогда. И ещё. Кто бы что ни говорил, но ты здесь не повинность отбывал и не режим защищал. Ты здесь, потому что там, за твоей спиной, твои родные и близкие. Уразумел?

— Так точно, товарищ майор!

«Так точно, товарищ майор...» — пробормотал Гвоздь еле слышно, отпуская аксель. Похоже, начальнику так же сложно было сформулировать понятие «родина», как и его подчинённым.

Автобус скрипнул тормозными колодками у обшарпанных стен старого вокзала и распахнул дверь-гармошку, вдохнув нутром салона свежий весенний воздух.

— Смотри, много не пей! Тебе ещё в военкомат нужно! — крикнул вслед выскочившему на остановку Гвоздю водила, хитро улыбаясь.

Гвоздь махнул ему на прощанье фуриком и уверенным шагом двинул в сторону дома.

Тротуар петлял по сырым улицам весеннего города, мимо обветшалых заборов, газетных киосков, кое-как подстриженных кустов сирени, бесчисленных магазинов, баров, кафе и просто разливаек всех мастей. Разбитый асфальт словно стеснялся своих дыр, прикрываясь лужами, как заплатами. Гвоздь то и дело перепрыгивал через них, стараясь не забрызгать грязью новенький комок. Немногочисленные прохожие в это раннее утро с любопытством рассматривали дембеля и улыбались то ли своим мыслям, то ли чужой радости.

— Э! Зелёный!

Идиллию нарушил чей-то хриплый прокуренный голос. У пивной группа синеботов ждала халявного алкоголя и приключений. Гвоздь понял, что ему предлагают сыграть одну из главных ролей в бесконечном

сериале «Кровь и сопли», но даже и ухом не повёл. Это была откровенная провокация, а на провокации ведутся только олени. Два года в российской армии вбили эту простую истину в его мозг до глубины подкорковых ядер. Ещё не хватало чистый дембель рвать и пачкать из-за каких-то упырей. Да и велик ли Чернокустинск? Дай бог, не сегодня-завтра снова доведётся пересечься, тогда и посмотрим, кто какого цвета.

Впереди у Гвоздя были дела поважнее: долгожданная встреча с родителями, которые и знать не знают, что сын возвращается домой, пирушка со старыми друзьями и, конечно, поход в гараж к дяде Радикю.

Дядя Радик был личностью незаурядной: сразу после школы он поступил не в университет, как все, а в тюрьму за нанесение повреждений разной степени тяжести тридцати шести потерпевшим. По крайней мере, так указывалось в материалах дела. Злые языки утверждали, что Дядя Радик был боевиком одной из магаданских группировок и после неудачного рэкетирского рейда был вынужден валить с малой родины. Осев в Чернокустинске, он начал новую жизнь с чистого листа, но любовь к организованному насилию не утратил и теперь тренировал парней в своём гараже на городской окраине.

Здесь висел покоцанный боксёрский мешок, стояли ржавые от времени гантели и гири ещё советской эпохи. На сваренной им самим стойке красовалась самодельная штанга, а стеллаж в углу занимала разная бойцовская экипировка.

Собирались в гараже у Дяди Радика только свои. Не больше десятка: Андрюха, Циркуль, Махно, Кактус, Серый, Лимон и Костик. Это была основа. Иногда кто-то приходил, узнавая о коллективе через знакомых, но всегда по рекомендациям, и, как правило, долго не задерживался. Дядя Радик очень не любил раздолба-

ев и позеров. За понты, длинный язык или пропуски просто выгонял с тренировок.

В гараже пить было не принято, поэтому Гвоздя коллектив встречал (как и провожал) на природе. Тогда на проводах, два года назад, холодной апрельской ночью Дядя Радик, изображая из себя викинга, искупался в овраге с талой водой; кто-то за что-то получил по морде; было выпито немерено припасённого заранее самогона; Гвоздь получил первое в жизни алкогольное отравление и дружное напутствие «писать, если чё, чтобы мы приехали и там всем по жопе дали!».

Теперь было примерно то же самое, с той лишь разницей, что пришлось партизанам из лесу совершать рейд в город за внезапно закончившейся водкой. В ходе рейда выяснилось, что Костик мега-крутой боец, ибо ездил в Москву на какие-то соревнования по рукопашке, где проиграл все схватки, но это уже не важно. Гвоздь готов был оспорить статус Костики. Его вызов почему-то принял Лимон, воткнувший Гвоздя башкой в металлическую раму автобусной остановки. Гвоздь с аргументом согласился и сделал вывод, что ему ещё многому предстоит научиться. И вообще надо быстрее входить в форму, которую он за два года службы безусловно подрастерял.

Возвращаясь из армии, каждый боится чего-то своего. Гвоздь боялся того, что на первой же тренировке в гараже он получит добрых люлей. Боялся не в смысле физической боли. Просто по жизни Гвоздь привык побеждать, в коллективе считался одним из лучших бойцов. Но два года в армии — это два года перерыва в тренировках. Физически он был хорош как никогда (начальник заставы считал, что пограничник должен не только стрелять как ковбой, но и бегать, как его лошадь), да только искусство рукопашного боя — это не соревнования в выносливости. Тут нужны иные на-

выки. И базируются они, в первую очередь, на регулярной контактной работе. Нет контакта — нет и навыков. Ну а в армии какие тренировки? Конечно, мордобоя там хватало за глаза, но ведь ничто не заменит грамотную систематическую работу в соответствии с методическими принципами спортивной науки.

В общем, Гвоздь спал и видел, как приходит на первую тренировку в гараж и получает там по щам. Обидно. Вот так, с биением молодого ретивого сердца вечером двадцатого апреля, он переступил порог до боли знакомой металлической двери. Правое колено чёрных штанов от костюма-спецовки было перепачкано сырой грязью.

— Ты чё это, падать любишь? — встретил его Махно, пожимая руку.

Ребята уже все были в сборе. Среди собравшихся Гвоздь заметил пару незнакомых лиц.

— Да я не сам, блин, помогли...

— А чё случилось-то? Кстати, знакомья: Панцирь, Витёк.

Гвоздь пожал новеньким руки и начал свой рассказ.

На маршрутку он сел у Юбилейного. Где-то была авария, и пришлось ждать минут десять. Народу, конечно, столпилось много, и среди прочих — какой-то пьяный кавказец. Молодой, но раскормленный. Под центнер точно. И вот этот товарищ выступал перед почтенной публикой, что он, мол, имел всех русских свиней и так, и этак. Ментов, как нарочно, нигде не было замечено. А Гвоздь стоял и соображал, как в этой ситуации поступить умно.

Вообще, как ему потом показалось, самое глупое в таких ситуациях — это пытаться найти умное решение. И так вот стоит полтора десятка взрослых людей, и каждый пытается найти своё умное решение, а в это время пьяный придурок обносит всех последними сло-

вами, не стесняясь ни детей, ни женщин. Психологи это называют состоянием размытой ответственности. Каждый считает, что раз уж всё происходит в общественном месте, то кто-то обязательно что-то сделает, и поэтому именно ему ничего делать не нужно.

Может быть, и Гвоздь так же продолжал бы хлопать ушами, если бы хач не стал персонально оскорблять какую-то даму. Кто-то в башке чиркнул спичкой, и поиск умного решения уступил место привычным инстинктивным реакциям. Подойдя вплотную к нарушителю общественного порядка, сержант запаса схватил его за отворот кожаной куртки:

— Ты чё, сука, говорить нормально разучился?

«Не очень дипломатично получилось», — успел отметить про себя Гвоздь ещё до того, как кавказец выполнил ответный захват. А потом была ещё одна мысль, отражавшая глубокое сожаление по поводу совершения необдуманных, можно сказать, идиотских поступков. Ну разве будет умный человек хватать кого-то на улице за шиворот вместо того, чтобы сразу с ходу бить по морде? Жаль, что умные решения обычно запаздывают.

Кулак оппонента, сжимающий отворот спортивной куртки с ярлычком «made in China», теперь маячил в непосредственной близости от ещё ни разу не ломаного носа Гвоздя. Немаленький такой, надо сказать, кулак. Гвоздь сразу же ощутил физическое преимущество противника, отражённое в этой железной хватке.

— Отпусти, гад! — зарычал Гвоздь, чувствуя страх.

Но паникёр внутри быстро уступил место пироманьяку. Хачик что-то лепетал на ломаном русском, но что именно, Гвоздь разобрать не мог, ибо у него, как у глухаря на току, ударившая в башку кровь выключила напрочь слуховой аппарат. Гвоздя никто

не собирался отпускать, и это он прекрасно понял без всяких объяснений. На!

Тело вдруг само, вспомнив долгие и упорные тренировки, выдало комбинацию из трёх ударов. Это было важно: не допускать борьбы с тем, кто тяжелее тебя. А не допустить борьбы в клинче можно, лишь результативно отработав в ударке. Бей, пока тебя держат, а не бросают!

Хач съел всё, но не только не упал, но даже и не отпустил. Доли секунды — и Гвоздь уже рвал его за плечи к земле. Это был самый простой и надёжный способ в драке на льду вывести противника из равновесия. А вывести из равновесия было жизненно необходимо: тот, кто пытается удержаться на ногах, не пытается бить в ответ.

Кавказец упал на колени, но захвата не отпустил, и Гвоздь рухнул, увлекаемый им, на тротуар. Однако, пользуясь своей трезвой мобильностью, помноженной на подвижность средневека, успел вскочить первым. И лишь только сделал это, как сразу же нанёс роковой удар каблуком ботинка в тыльную сторону ладони противника, которой тот опирался на асфальт. Как хищник, который не думает, но атакует результативно. Хачик вскрикнул, отпустил Гвоздя и спрятал сломанную руку под себя, рефлекторно пытаясь защитить её от повторной атаки. Но повторная атака пошла уже в голову. Прямо в макушку.

Дублёный пыр уставного берца защищает пальцы ног не хуже стального стакана. Кавказец затих, как это бывает тогда, когда жертва понимает, что рыпаться бесполезно, и прикрыл голову обеими руками, забыв о переломе. А Гвоздь с удовольствием и от души вбил через толстые пальцы в разбитый череп противника свой ботинок ещё дважды. Ей-богу, ему пришлось сде-

лать над собой усилие, чтобы остановиться. Блин, это не садизм. Это триумф победителя.

Рядом кто-то что-то орал, типа «человека убили!», но Гвоздь не обращал внимания на это баранье бляение. Он хорошо представлял, что дрался сейчас за свою совесть, а не за достоинство тех, кто его не имеет. Маршрутку ждать здесь было уже нельзя, и волчьей рысью он бросился по дворам с места преступления. А потому пришёл в гараж последним.

Первым на рассказ Гвоздя отреагировал Андрюха: — Вот зараза, чёрные совсем страх потеряли!

И со свойственной ему эмоциональностью начал рассказывать, как в прошлом году айзеры обманули его дядьку, забрав картошку и не отдав обещанные арбузы. Впрочем, дискуссии не суждено было состояться: в гараж вломился Дядя Радик, и тренировка началась.

По привычной схеме бойцы распределились по точкам, сменяя друг друга через установленный интервал. Вбивая шингарды в выдавший виды мешок, Гвоздь присматривался к новеньким. Витёк смотрелся скромно, а Панцирь, хоть и двигался немного коряво, но демонстрировал бойцовский дух. Гвоздю даже удалось с ним поспарринговать и пару раз неплохо достать его. Так, чисто по-дружески. Радик ходил среди разбившихся по парам бойцов и, помахивая длинными ручищами, достойными матёрого орангутанга, делал замечания, не скупясь на острые словечки. Его атлетическая фигура и животная пластика вызывали незамаскированное восхищение коллектива. КМС по боксу и разрядник по самбо, он мог с лёгкостью завернуть с места сальто назад. Тут было на что равняться.

— Бей жёстче! Чё ты её гладишь? — кричал он Кактусу, вставшему у мешка. — Это же не леди, это груша, мать твою! Будь мужиком! Ударь её!

И Гвоздь вспомнил, как однажды Радик устроил им встречу с фанатской фирмой из соседнего города. Дрались один на один. Циркуль начал тогда неуверенно и просрал хлебало. Андрюха бодро отработал свой поединок, но глупо попался: он щадил своего оппонента, отпуская его каждый раз, когда оставалось нанести решающий удар. А потом тот, уловив удобный момент, всандалил Андрюхе совсем не по-товарищески и сломал нос. Радик был так разгневан, что вызвал на бой их тренера. И придушил на третьей секунде схватки. Тот кинулся в ноги, а Радик сомкнул на его шее петлю своих орангутаньих рук. Это принято называть «гильотиной». Когда гаражные покидали площадку, бедняга ещё лежал на травке, пытаясь понять, что произошло.

После тренировки Дядя Радик обычно подвозил ребят до центра, но в этот раз у него были какие-то срочные дела, и он умотал в противоположном направлении. А Гвоздь с остальными, битыми и уставшими, двинулся по выложенной щебнем дороге в сторону остановки. По пути их застал дождь, и они спрятались под старым шиферным навесом, некогда бывшим частью какого-то промышленного комплекса, а теперь одиноко стоявшим у дороги памятником эффективной приватизации. Разговор как-то сам собой вернулся к национальному вопросу.

— Чё делать? Да бить их надо! — восклицал Панцирь, возмущённо размахивая руками. — Они себя здесь чувствуют хозяевами, потому что мы им это позволяем! Гвоздь правильно сделал, и если бы каждый поступал так же, то не было бы в нашей стране этнических преступных группировок. Ну вы сами подумайте — сколько у нас банд кавказских? А на Кавказе есть хотя бы одна славянская банда?

Аргументы казались железными. Почему-то Гвоздь раньше даже не задумывался над такими простыми вещами.

— Ну так и что ты предлагаешь? Типа банду колотить и на Кавказ ехать? — усмехнулся Лимон.

— Зачем куда-то ехать? Мы на своей земле, чужой нам не надо. А за порядок здесь мы в ответе.

— Ну-ну... — промычал Серый. — У тебя случайно серебряной звезды шерифа нигде не приколото?

— А тебе обязательно шериф нужен? Тебе недостаточно быть гражданином своей страны, чтобы чувствовать ответственность за то, что происходит на наших улицах? Почему это хачи могут беспредел здесь творить, а мы, значит, как овощи по грядкам сидеть будем и молчать?

— А какой беспредел?

До сих пор внимательно слушавший Гвоздь решил задать животрепещущий вопрос.

— Да как какой? — на лице Панциря изобразилось недвусмысленное удивление. — Ты чего, парень, вчера родился, что ли?

— Да нет... С армии вернулся.

— Ааа... Тогда понятно. Разливайки «Русь» знаешь кому принадлежат?

— Нет... Какому-нибудь патриоту, судя по названию.

— Ага, патриоту. Вахой того патриота зовут, и он держит весь город. Вся гопота под ним ходит, все синяки у него заправляются. А начинал он с торговли палёной водкой ещё в девяностых. Тогда мэром был Слизнюков, они и замутили совместное предприятие. Гнали с Чечни спиртовозы сюда. Сначала одну точку открыли, потом вторую, а сейчас уже и торговые центры строят. Правда, Ваха уже и без Слизнюкова хорошо обходится. Того за взятку посадили, пожадничал

фраер. А Ваха — он как вечный серый кардинал Чернокостинска. Бабло делает сейчас уже на всём, и менты у него прикормлены, шлюх для него крышуют, и рынок под себя подмял. А ты говоришь: «Какой беспредел?» Думаешь, пьяный хач, который на остановке орал, что всех нас вертел он на одном месте, был далёк от истины? Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке! Они тут хозяевами давно себя чувствуют, потому и ведут себя так нагло. То ли ещё будет...

Парни неловко переглядывались, и было видно, что многое из сказанного Панцирем соответствовало действительности. Это то состояние неловкости, когда тебя мордой стучат в неудобные факты, отрицать которые бесполезно, а выводы из которых делать страшно. Тем временем Панцирь развивал успех:

— Вы думаете почему я с вами бухать не поехал? Радика я, конечно, уважаю. Но, друзья, пьянство — это зло. России сегодня нужны воины. Индейцев как истребили? То-то и оно! Подумайте, пьяный хач на улицах города — это вообще-то редкость. Они, конечно, тоже бухают, но совсем не в таких масштабах, как русские. Ваха, кстати, принципиально не пьёт и своим не позволяет.

— Откуда такие познания? — вставил Костик.

— Врага надо знать! Я давно изучаю диаспоры нашего города и могу вам сказать: мы перед ними — просто стадо баранов. Неорганизованные, нерешительные и вечно оглядывающиеся на последствия. Поэтому они и прибирают к рукам нашу землю, наши деньги, наших женщин и нашу жизнь, в конце концов. Потому что завтра вы пойдёте на них работать, ибо надо будет кормить семьи.

Последний довод Панциря показался наиболее зловещим.

— Так чё ты предлагаешь?

Гвоздь в упор посмотрел на оратора. Тот выдержал этот взгляд, словно был к нему готов, и уверенно отчеканил:

— Нам нужна дружина. Чтобы отстоять свои интересы, когда это понадобится. Мы в этом мире сами по себе, нас не защищает закон, мы не нужны своему государству, полагаться мы можем только на самих себя. Чурки держатся кланами, поэтому они сильнее. Мы должны понять, что если сегодня мы не сумеем организовать, то завтра станем их рабами. Да и кому, как не нам, молодым, сильным и здоровым, задаваться этими вопросами? Неужто на стариков и баб будем перекладывать ответственность за будущее своей земли? Я считаю, что нам нужно быть готовыми к войне с чурбанами и, если понадобится, отдать жизнь правому делу.

— Правому делу? — переспросил Махно. — Уж не skin ли ты, Панцирь?

— А чё, похож? — парировал тот. — Не skin. Но я уважаю этих ребят, потому что они делают хоть что-то, а не тупо охают, не отсиживаются по своим квартирам. Они не боятся выходить на улицу и вершить политику своими руками. Настоящую политику, политику улиц.

— Я не разделяю ценностей нацизма.

В груди Гвоздя вдруг что-то зашевелилось, и эта фраза прозвучала уж совсем неуверенно, словно он оправдывался.

— А что ты знаешь о ценностях нацизма, кроме того, что тебе рассказывали в школе? Вот послушай, это песня о тех самых ценностях.

Панцирь расчехлил гитару, которую пёр с самого гаража, и, подкрутив колки, ударил по струнам:

Над нашей страной сгущаются тучи,
к победе нам заслоняя путь.
Хоть каждый новый день старого круче,
но с пути борьбы мы не должны свернуть.
Никогда не погаснет пламя священного огня!
Мы будем бороться за твою свободу,
живи, Россия моя!
Мы будем подниматься снова и снова,
пусть мир будет против меня.
И мы умрём за тебя,
Россия, живи, Россия моя...

Петь Панцирь умел. Пел хорошо, душевно. Мелодия лилась от струн к самому сердцу, заставляя его откликаться на каждый аккорд. Красивым словам хочется верить, даже если за ними стоят страшные идеи. Парни сидели, молча слушая, и старались не встречаться друг с другом взглядами. А Гвоздь вспоминал армию. За прошедшие два года ему на своей шкуре удалось прочувствовать то, что здесь, на гражданке, называют «этнической дедовщиной». Кому-кому, а ему уж точно не нужно было объяснять, как небольшая группа кавказцев может взять в рабство целую роту. Сейчас Гвоздь не был готов вести идеологические диспуты, но в одном был согласен с Панцирем: сила — в единстве. Бараны — они всегда каждый сам по себе даже в составе огромного стада, а волки держатся и охотятся стаяй. Бараном чувствовать себя было крайне неудобно.

А Панцирь тем временем ударил по струнам энергичней:

Сверкают ботинки в сумраке ночи,
Бритые головы, злоба в глазах.
Враги, их завидя, бегут со всей мочи —
Ночные солдаты в моих городах!
И солнце победы над Русью встает,
На правое дело оно нас зовет.
Кто родине предан, тот брат нам, и знай,
Что мы — «Blood and Honour», рядом с нами вставай!

И вот тут Гвоздь понял, что мир внезапно для него перевернулся. Перевернул его Панцирь, по всей видимости, сам того не подозревая. Потому что сумел предложить то, что подспудно искали они все, то, что какие-то мутные дядьки наверху однажды отобрали у их родителей, растоптав надежду на светлое будущее и веру в самих себя. Он предложил идею. Это была простая идея о том, что хорошие люди должны брить головы и носить армейские ботинки, должны быть не только правильными, но и сильными, и, конечно, бить всякую гниду, чтобы та даже пасть разинуть не могла. И если мир не собирался предложить своим детям лучшей доли, то не за тем ли, чтобы дать им возможность самим отвоевать счастье по праву сильного?

Внезапно для себя Гвоздь уразумел, что их коллектив уже никогда не будет прежним. Этот новенький со странным прозвищем «Панцирь» разлил в умах и душах что-то такое, что изменило каждого. И Гвоздю, и остальным, понимали они это или нет, нужна была Цель, способная наполнить смыслом каждое мгновение бытия. Чтобы не стать тупыми гопами или нежизнеспособными нефорами, чтобы не закончить торчком или уркой, им всем нужно было стать кем-то ещё. Например, скинхедами.

ГЛАВА 3

ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ

Гвоздь задумчиво выворачивал шурупы с каблука дембельских берцев, чтобы снять подковки. Вот ведь как жизнь оборачивается. Ещё вчера на синеботов у разливайки и смотреть не хотелось, а сегодня мало-значимый конфликт, казалось бы, чисто бытового характера, начинает восприниматься как борьба за высшие ценности. Если переставить эти подковки на носок ботинка, получится грозное и незримое оружие уличного бойца. Главное, чтобы стальная кромка едва выступала за подошву.

Есть такой принцип стритфайтинга: твёрдым — по твёрдому, острым — по мягкому. Он касается вопросов применения оружия. Когда бой идёт на поражение, никто не старается причинить боль противнику, потому что никто не обращает внимания на боль. Тогда не нужно пугать своего врага, а нужно остановить его во что бы то ни стало, лишить манёвренности, возможности двигаться, травмировать, ломая кости и сотрясая мозги. А кости лучше всего ломать твёрдыми тяжёлыми предметами. Например, усиленным пыром. Им можно разбить колено или голень. Подковка, имея небольшое сечение и максимальную жёсткость, легко разбивает надкостницу.

Гвоздь покрутил в руках отвёртку, отложив в сторону саморезы. Отвёртка лучше ножа. Нож — палево. А отвёртка — всегда просто отвёртка. Впрочем, что это за мысли? Странные мысли. Ни лишать кого-то жизни, ни садиться в тюрьму Гвоздь не собирался. Он просто хотел справедливости. Что-то беспокойно было на душе. Какие-то бухие упыри бросали в него

оскорбления. В него — в сержанта пограничных войск! Вот бы этих уродов на заставу — булькали бы башкой в унитазах. Нужно объяснить австралопитекам, что вежливость — основа крепкого здоровья.

Ботинок с прикрученной к носку подковкой монументально стоял на табурете советского образца. Гвоздь разглядывал его критическим взором перфекциониста. Потом, ухватив табурет за ножку, перевернул его вверх тормашками, скинув ботинок на пол. Ножки крепились болтами к небольшой металлической рамке под куском ДСП, благодаря чему легко демонтировались. С помощью той же отвёртки Гвоздь скрутил одну из них. Прекрасное оружие ближнего боя! Убить такой сложно: слишком лёгкая. А вот сломать что-нибудь — запросто. Главное бить резко, хлестом, и не позволить противнику перехватить бьющую руку.

Гвоздь представил, как он этой ножкой бьёт по куполу атакующего его зомби в самый канун Апокалипсиса, а тот рефлекторно прикрывает пропитанную алкоголем черепушку, подставляя под удар татуированные пальцы. Почему-то на пальцах воображаемого зомби были набиты перстни. Гвоздь с удовлетворением отметил воображаемый хруст воображаемых костей. Хорошо. То, что надо. Ножка от табуретки легко нырнула в рукав камуфлированного кителя.

* * *

От дома Гвоздя до той самой разливайки, у которой его пытались тормознуть, метров триста. На то, чтобы навести справки о местных синеботах и расписании их воскрешений, ушла ровно неделя. Воскрешались они обычно к семи утра, чтобы успеть настрелять мелочи у спешащих на работу соотечественников. Тот, кто кричал ему тогда вслед, был среди местных алкашей авторитетом, ибо отмотал не один

срок за кражи. Может быть, поэтому ему и не понравился дембель ПВ: по понятиям этих товарищей служба на границе приравнивалась к службе в ментовке. Но для Гвоздя всё это сейчас было неважно. Им просто двигало желание снести хлебало наглицам. Каждая тварь должна знать своё место. И почему-то Гвоздь всё чаще начинал задумываться о том, что умные и сильные должны задавать правила игры, а не тупые и слабые.

Хотя, надо признаться, сомнения определённые были. Начиная от «не стоит тратить время на идиотов», заканчивая «а достойно ли бить алкашей?». В конце концов, Гвоздь вспомнил пламенную речь Панциря и подумал о том, что он не собирается бить алкашей, он собирается дать им сдачи. А это не одно и то же. В конце концов, ему же тут жить, рядом с этими животными, и ещё не раз предстоит с ними пересечься. Так почему бы сразу не объяснить бешеной собаке, что не стоит разевать пасть на белого человека?

Поговорка о белом человеке была подхвачена у Панциря и взята на вооружение. Красиво звучит: «Всё, как у белых людей!» Приятно чувствовать себя белым человеком.

Ещё у перекрёстка он заметил ту же компанию, занявшую привычную позицию на лавочке у круглосуточного заведения «Русь. 24 часа». Звучало так, словно тут Русью торговали 24 часа в сутки. Теперь хозяева этой «Руси» были Гвоздю знакомы, и это только добавляло злости.

Синеботы заметили его, когда он переходил дорогу, и, несмотря на растворившийся в сивухе мозг, уразумели суть вопроса, который им предстояло решать. Один из сидевших на корточках вяло махнул пальцами с зажатой в них сигаретой в сторону приближающегося молодого человека в камуфляжном кос-

тюме, и остальные повернули морды в указанном направлении. Сюрприза не получилось, да Гвоздь и не рассчитывал. Он не был уверен в том, что они его узнали, но то, что он идёт именно к ним и, судя по решительному шагу, с недобрыми намерениями — это было вполне очевидно.

— Здарова, братва! — зло и весело бросил Гвоздь.

В такие мгновения, последние мгновения перед грозой, у него всегда поднималось настроение. Это, наверное, потому, что тормоза переставали работать. А что может быть веселее, чем давить на газ?

— И тебе не хворать, — хрипло процедил кто-то, выглядывая из-под кепки.

— Чего такие грустные? Не узнали, что ли, зелёного?

Гвоздь занял позицию ганфайтера с широко расставленными ногами, словно ждал момента, чтобы выхватить свой кольт и наспиговать эту похмельную банду свинцом. Руки он демонстративно засунул в карманы. Во-первых, это выглядит нагло (а в этой ситуации было важно выглядеть нагло), а во-вторых, так не заметно дубинку в рукаве, которую иначе обязательно бы пришлось придержать рукой.

— Ты чё хочешь-то?

Атаман шайки с небритой рожой озвучил вопрос, терзавший души всех собравшихся тут собутыльников. В отличие от Гвоздя весёлым он не выглядел. Ещё бы: подошёл какой-то тип в камуфляже, начал докапываться. Один до шестерых. Что-то тут не так.

Пенсионеров среди синеботов не было. Возраст, конечно, тут сложно правильно установить, но в целом мужики есть мужики. К тому же, потасовки для этих джентльменов удачи были делом обыкновенным. И Гвоздь подозревал, что некоторые из них, имея уголовное прошлое, спокойно могли взяться за нож.

— Чего я хочу? — Гвоздь сделал по-дурацки удивлённое лицо. — Спросить хотел, почему ты мне тогда «зелёный» орал.

— Ничего я тебе не орал!..

Атаман перешёл в наступление, позволив себе привычно развязный тембр голоса. Если не бьют — значит, бить не собираются. А на базаре выезжать ему было не привыкать. Но с Гвоздём он ошибся, ибо Гвоздь разговаривать и не планировал. Ему нужен был только повод, и вот этот наглый голос послужил той самой красной тряпкой, что пробудила в Гвозде поистине животное бешенство. На пальцах атамана новоиспечённый каратель увидел перстни.

— Ах ты сука! — прорычал Гвоздь в большей степени непроизвольно, нежели с целью психически подавить оппонента, и из его рукава выскользнул козырь. Когда карты раскрыты и козыри оказываются у тебя на руках, ты переживаешь триумф победителя. Это незабываемое чувство восторга, которое, должно быть, испытывает партизан, атакующий из засады внезапно и решительно растерявшегося противника.

Атаман сжался под ударом точно так, как Гвоздь видел в своём воображении. Пытаясь прикрыть голову, он сам отдал запястья, которые дубинка сожрала жадно и с хрустом. А затем — стремительный разворот и снова удар за ударом уже по тем, кто в страхе пытался разбежаться. Гвоздь, удерживая дубинку в правой, левым боком разворачивался к цели, чтобы усложнить противнику возможную попытку обезоруживания. Но эти предосторожности оказались излишними: никто и не пытался сопротивляться. Сокрушая руки и колени, он добивал матерящихся алкодройдов подкованными ботинками.

— Твари! Твари! — уже на автомате твердил он, словно заклятие от злых духов.

Чувствуя, что нужно остановиться, но не находя в себе силы это сделать, Гвоздь ухватил какого-то калача за шиворот, приподняв его с мокрого асфальта (атаман уже ухромал с поля брани).

— Слушай меня, падла! — заглядывая в испуганное и опухшее лицо, отчеканил Гвоздь. — Я вас ненавижу! Слышишь? Ненавижу! Потому что это такие мрази, как ты, виноваты в том дерьме, в котором нам всем приходится жить! Это вы, суки, пропили и разворовали всё, что могли, а сейчас отравляете своим присутствием мой город! И не дай бог нам с вами снова когда-нибудь пересечься! Я проломлю ваши гнилые черепашки!.. Я заберу ваши жизни!..

Он выпалил это, задыхаясь, и хотел сказать ещё что-то, но вдруг почувствовал сильную усталость и просто бросил синяка на тротуар, а потом, запихнув дубинку обратно в рукав, двинулся в сторону зелёной зоны. Домой после случившегося идти было бы непросительной глупостью, и Гвоздь отправился в Еловую Рощу на Заречном.

Здесь он любил бродить ещё со школы, открывая затаившиеся вдаль от троп полянки, с которых открывался живописный вид на город. Мелкий городишко — что большая деревня. Привалившись к стволу гигантской ели, Гвоздь открыл бутылку минералки, отхлебнул, ощутив, как пузырьки газа наждачкой проходят по пищеводу, и почему-то ощутил себя студентом, успешно сдавшим экзамен. Там, внизу, под холмом, город начинал свой привычный рабочий день: по узким, кривым улицам сновали пузатые «газели», тяжело катились троллейбусы, пролетариат заполнял собой тротуары и автобусные остановки. И всё это отсюда, из-под вековой еловой лапы, казалось таким несуразным, кривым и совершенно бесперспективным. Но, как отметил Гвоздь, к сожалению, до боли привычным. На-

верное, ему всю жизнь придётся проторчать в этой дыре, в этой помойке, среди синеботов и гопников, в этой дымящейся трубами клоаке, отравляющей собой многие квадратные километры природных ландшафтов. Придётся ковыряться на стройке за копейки, получать параллельно какую-нибудь рабскую специальность, чтобы потом устроиться на завод, как батя, и до конца дней своих подпирать Чернокостинск своим горбом. А куда деваться? Отсутствие выбора упрощает выбор.

Гвоздь уже пытался приткнуться в охрану. В ночной клуб «Бомба», пользующийся популярностью среди местных мажоров. Его хватило на три дня. Насмотрелся на малолетних наркош, своих и залётных, разномастных гопарей с гопарихами, а больше всего ему запомнился толстопузый пожилой кавказец с золотыми зубами. Кто знает, может, это и был Ваха? Он был из VIP-клиентуры, и говорили, что он является завсегдатаем казино, где за вечер спускает больше, чем батя Гвоздя зарабатывает за целый год. Это вместе с премиальными. Вот как так? Что этот золотозубый делает такого важного для страны, что живёт в разы лучше честного работяги?

Глядя на весь этот шабаш, в охране Гвоздю работать было унижительно: он чувствовал себя так, словно ему ошейник надели. Не раз он представлял, как того или иного «випа» суёт башкой в очко заставского сортира. Но гражданка — это не армия, здесь рулит не дедва, а золотозубая элита. Как бы самому в очке не оказаться...

Этим же вечером позвонил Панцирь:

— Дело есть. Подойдёшь в сквер?

Имелся в виду сквер за сталинскими трёхэтажками в центре. Там обычно собиралось местное фанатьё числом в несколько рыл. Раньше они пили пиво,

а теперь набили себе на руках кресты в знак принципиального отказа от алкоголя и прочей дряни.

Гвоздь фанатом не был и кресты не набивал, хотя с бухлом и папиросами завязал тоже. Принципиально. Но не потому, что это противоречило высоким идеям, а просто потому, что в ходе последней пьянки отравился водярой основательно. Блевал желчью. А потом вдруг задался неожиданным вопросом, который словно выплюнул из своего желудка, стоя на четвереньках: «Зачем?». Неожиданным, потому что до армии пил конкретно и в армии пил по возможности. А уж как пил по возвращении домой! Но вот надо было, по всей видимости, дойти до какой-то грани или даже перейти её и увидеть, как выглядят жидкости, производимые твоим собственным организмом. Надо было поползть на карачках с широко открытым ртом и глазами, надо было помолить Невидимое и Вездесущее о пощаде, чтобы в итоге прийти к такому простому, такому естественному и такому неожиданному вопросу: «Зачем?».

Короче, зачем позвал его в тот вечер Панцирь, Гвоздь не догадывался. Но в сквере, помимо нескольких фанатов «Спартака», были и свои, с гаражного коллектива. Костик, Лимон и Серый обсуждали особенности местных дискотек, пока Панцирь что-то втирал мясным в стороне. После Гвоздя подтянулись ещё Махно с Циркулем. Всего собралось одиннадцать рыл.

— Итак, — начал Панцирь, как Ленин на броневике, — в продолжение нашего прошлого разговора я хочу озвучить несколько простых предложений. Это к вопросу «что я предлагаю?». Во-первых, я благодарю вас за то, что вы решили подойти, хотя я и не предупреждал, что за дело у меня есть. Это многое означает: означает, что мы доверяем друг другу. Но это доверие может быть легко нарушено, если с одним из нас произойдёт беда, а остальные не придут ему на помощь.

Я предлагаю осознать, что мы — команда, и ощутить, что дружба — это не просто возможность обсуждать баб или футбол. Это ещё и ответственность. Ответственность друг перед другом. Беда, она всегда приходит неожиданно. Кого-то по ошибке (а может, и не по ошибке) загребли менты, кто-то попал под гопов, кто-то зацепился с чурками, кому-то элементарно понадобились деньги. К кому обращаться, как не к друзьям? Но друзья должны иметь возможность оказать помощь. Своевременную. Поэтому нам всем постоянно нужно быть на связи. Подумайте об этом, когда будете отрубать телефон перед сном. Возможно, вы тем самым лишаете себя возможности быть в команде.

— Панцирь, ты скажи просто: телефоны не отрубать, — прервал его кто-то из мясных.

— Так я не офицер, а вы не солдаты, чтобы я мог отдавать приказания! Я хочу быть правильно понятым и донести важные мысли до всех. Если мы дружина, то нужно знать, что дружина — это коллектив равных, а не взвод дуболомов, которые не способны самостоятельно мыслить.

Гвоздь смотрел на Панциря и думал о том, что тот не только негласно занял позицию лидера, но и явно получает от этого удовольствие. Впрочем, разве это является проблемой? Всякому коллективу нужен лидер. Так почему бы и не Панцирь? Тем более, что дело говорит.

— Держать телефоны включёнными — это одно. Нужно быть готовым ещё обзвонить всех на случай экстренного сбора. Когда кто-то попадёт в переделку, у него не будет времени набирать каждого. Он может позвонить просто любому из нас и назвать адрес без объяснений, а принявший звонок, выезжая к месту, уже по ходу движения обзванивает остальных.

— Грамотно... — кивнул Махно. — Только я машину ещё не отремонтировал, а с Совхозки мне далеко добираться, если что. Приеду к подведению итогов.

— Поэтому у каждого должна в паспорте лежать сотня на такси. Неприкосновенная сотня.

— Почему в паспорте?

— Потому что, когда вы едете, зная, что это не будет увеселительной прогулкой, нужно быть готовым к встрече с ментами. Паспорт должен быть обязательно.

Судя по всему, Панцирь понимал, о чём говорит. Звучало, по крайней мере, это серьёзно и убедительно.

— Что насчёт взносов?

Мясные, похоже, знали больше наших.

— Взносы должны быть. Я понимаю, что это может для кого-то прозвучать странно, но нам нужна общая касса.

— Зачем? — спросил Циркуль иронично. — Братве на зону отстёгивать, на случай если кого-то закроют?

Парни подхватили шутку и негромко рассмеялись. Улыбнулся и Панцирь, явно готовый к такому взгляду на своё предложение.

— Мы, конечно, не гопники. Но общак — это тема. У гопов есть свои слабые стороны, но в вопросах организации пока они нас превосходят. Нам нужны общаковские бабки. И, если понадобится, на зону пересылать, но не братве, а своим. Знаете ведь, как говорят: от сумы, да от тюрьмы...

Гвоздю не очень понравилась идея с общаком, хотя бы потому, что он пока ещё никуда не успел пристроиться. Но ведь это его личная проблема. А в интересах команды, безусловно, было правильным держать общак.

— Панцирь прав, — заключил он, — общак нужен. Необязательно для зоны. Хотя бы для адвоката или даже просто помочь кому-то из своих, всякое бы-

вает. Может, кто, не дай бог, на операционный стол попадёт. Или даже инвестиции нужны будут под открытие дела. Мы же заинтересованы в том, чтобы у всех дела хорошо шли. Касса взаимопомощи — это сильный ход. Просто надо определить казначея и размер ежемесячных взносов.

С обсуждением размера взносов и назначением должности казначея решили подождать, так как на встрече присутствовали не все. Гвоздь поручился, что обязательно в следующий раз выдернет Андрюху и Кактуса. На этом, как ему казалось, партийное собрание должно было подойти к концу, но у Панциря про запас было оставлено самое главное.

— Теперь о деле, — решительно заявил он, словно подводя черту под всем вышесказанным, — вы знаете, что у театра постоянно тусит нефорьё. Мало того, что они сами по себе уроды, так ещё и гадят, как могут. В газетах не раз были сюжеты об актах вандализма, но нашему толстожопому мэру некогда заниматься такой ерундой. А между тем, дело это важное. Эти придурки любят писать на колоннах маркерами всякую непотребшину, а иногда и оставляют на стенах граффити.

— А нам-то что с этого? — заявил Лимон.

Кто-то из фанатя глупо хихикнул. Гвоздю это не понравилось.

— Нам? — переспросил Панцирь. — Нам, как человекам, вроде и ничего. А как гражданам своей страны, как патриотам, как молодёжи этого города, всё это должно быть поперёк горла. Эти сраные эмоскейтеры — мажоры из буржуйских семей, сынки богатых папиков, обкрадывающих простых работяг. Плевать они хотели на всех нас, плевать хотели на свою страну. Плевать хотели на нашу великую культуру. Достойные представители нашего народа возводили этот театр для того, чтобы мы могли думать не только о хлебе насущ-

ном, но и воспитывать в себе благородство, прикасаться к прекрасному. А сегодня какие-то сопливые дегенераты пачкают театр, чтобы втоптать в грязь наши святыни, чтобы посмеяться над нашими ценностями, чтобы отравить одним своим присутствием наш город!

Панцирь говорил и говорил. Эмоционально, не стесняясь откровенного пафоса. И Гвоздь вдруг почувствовал (да, именно почувствовал), что испачканные маркером колонны — это очень важно. Это принципиально. И хотя он в театре был только один раз и то не по своей воле, а благодаря школьной экскурсии, и после этого дал себе слово, что туда его больше не загонят даже под страхом смерти, но, тем не менее, ощутил глубокую ответственность за сохранение культурного наследия, существование которого теперь было поставлено под вопрос шайкой подлых неформалов.

К тому же, у театра действительно тусили в основном мажоры. Их гаражные не любили буквально за всё: за манеру одеваться, за развязное поведение, за праздное времяпрепровождение. Да и вообще, как в том анекдоте: мужик потерял работу, семью, здоровье, сидит, плачет и вопрошает: «Господи! Ну за что мне всё это?». А Бог и отвечает: «Ну, понимаешь... Не люблю я тебя. Не лю-блю...». Они были другими. За что их любить?

— Да какое тебе дело до них? Хочется быть придурками, пусть будут, — не унимался Лимон.

— Узко мыслишь, — парировал Панцирь, — дело не столько в них, сколько в подрастающем поколении. Люди всегда идут путём наименьшего сопротивления. Если можно быть придурком, значит нужно им быть — существовать, как паразитирующая прослойка. Быть кретином, лентяем и слабаком, потому что общество позволяет быть таким. Но кому, как не нам, пришла пора заявить о том, что эти улицы наши? Это наши роди-

тели — трудяги этого города, а потому и город этот — наш. Сегодня молодёжь ориентирована либо на гопотские группировки, либо на нефорские тусовки. Потому что у них нет альтернативы. Но мы — эта альтернатива. Нам нужно лишь показать себя, сказать, что мы есть и что мы сильнее их. А молодёжь всегда смотрит на тех, кто сильнее. Хочешь устанавливать правила игры, хочешь быть хозяином на своей земле — будь сильным. Заяви о себе и своих правах. Блин, это наш театр, и мы не позволим всяким патлатым гандонам осквернять культурное наследие предков!

Лимону нечего было возразить на столь эмоциональную реплику. Даже если бы и очень хотелось, завернуть так, как делал это Панцирь, он всё равно бы не смог. А посему промолчал. А Панцирь легко заполнял паузы.

— Вы думаете, это всё мелочи? Думаете, ерунда? Да вы слышали что-нибудь о теории разбитых окон? Там, где можно пачкать стены, можно и разбивать окна! Где можно разбивать окна, можно воровать и грабить! Из-за такой «ерунды» наш город задыхается в наплевательстве и вседозволенности! И, изменив что-то, казалось бы, незначительное в этой системе, мы меняем саму систему!

— Короче, ты предлагаешь дать им по шее? — прервал Гвоздь.

— Ну, зачем сразу так? — развёл руками Панцирь. — Мы же не звери какие. Нам не нужно вызывать ничью ненависть. Просто подойдём, поясним этим умственным калекам, что они не правы. А вот если они проигнорируют наше мнение, тогда уж... Я даже не знаю... Может быть, я, например, кого-нибудь ударю...

Гвоздь покачал головой.

— А у нас в армии не так было. У нас сначала били, а потом объясняли. Так слушают внимательнее. Ну ладно. Ты за рулём. Веди нас, вождь!

От сквера до театра было рукой подать. Одиннадцать парней,двигающихся по вечерним улицам, вызывали непроизвольное внимание со стороны прохожих. Гаражные держались скромно, а вот мясные явно предвкушали, как будут глумиться над нефорами. И Гвоздь снова ощутил к ним антипатию. Ну не может настоящая сила дружить с позерством! Витёк вон уже перестал ходить на тренировки. По всей видимости, ему хватило одного фингала. А раз уж он был среди мясных, то означать это могло только то, что и остальные фанаты из этой компании такие же раздолбаи. А разве с раздолбаями кашу сварить? Нет. Не вызывали эти парни у Гвоздя никакого доверия. Свои, гаражные, — это другое дело. С этими можно было хоть в огонь, хоть в воду. Если человек регулярно тренируется, если систематически перешагивает через свою боль и соплю, то на него можно положитьсь. Ну, так Гвоздю казалось.

Они остановились у аллеи, укрываясь за ёлочками от тусивших неформалов. Идеологический противник был на месте и уже всюду занимался привычным делом: кто-то курил какую-то дрянь, кто-то пил какую-то дрянь, кто-то слушал какую-то дрянь, а кто-то вяло мучил скейты. Все были невероятно круты. Некое волосатое чучело неопределённой половой принадлежности с крашеной гривой, подпоясанное белым ремнём, в чёрных, зауженных книзу и расширенных сверху джинсах, пыталось изобразить трюк на раскрашенной гламурными цветами доске. При каждом прыжке джинсы настойчиво стремились вниз, оголяя тощую задницу в белых труселях. Гвоздь подумал о том, что ударить ЭТО он не сможет. Если только по костлявой заднице пнуть с риском, что бёрец застрянет в худых ягодицах.

— Надо обойти их с другой стороны, иначе разбегутся раньше времени.

Панцирь одобрительно кивнул:

— Шаришь. Давайте по дворам!

Манёвр был совершён оперативно и без прокола. Внезапное появление бритых ребят у колонн театра произвело на собравшуюся публику самое шокирующее впечатление. Часть сразу же ломанула по кустам и газонам, причём в гробовом молчании. Часть глупо замерла на месте, в надежде, что не заметят. А наиболее стрессоустойчивые сбились в кучку, которая была тут же окружена со всех сторон. Мясные громко хохотали, глядя на белобрысого парнишку в балахоне с конопляным листом, у которого от переживаемых чувств подкосились ноги, и он теперь просто сидел под колонной, не в силах заставить себя подняться.

«Картина маслом “Волки и овцы”», — подумал Гвоздь. Поведение фанатов не вызывало у него никакого понимания. Этот громкий гогот ассоциировался почему-то с гопотой. Но трусливое поведение нефоров вызывало самое настоящее отвращение. Ещё минуту назад они выделялись друг перед другом, кидаясь дешёвыми понтами, а вот теперь глупо хлопали глазами и ссались в штаны, хотя даже не знали, кто и зачем к ним подкатил.

Панцирь успокоил своих и начал заниматься пропагандой высших ценностей, обращая падших на путь истинный. Гвоздь со стороны наблюдал за этим цирком, понимая, что вот эти придурки с серьгами в ушах и носу сейчас готовы согласиться со всем, лишь бы их не били. Но разве завтра они станут другими? Или сюда, к театру, придётся ходить каждый день, проверять, как был усвоен урок? Вообще, он чувствовал себя немного глупо. Уж лучше алкашей у разливайки метелить...

Однако, когда нефорьё панцировской милостью было отпущено и команда отправилась бесцельно шляться по центру, Гвоздь заметил перемену в лицах парней и их настроении, и понял, зачем Панцирю всё это было нужно. Тот действительно колотил дружину. Вся эта затея с театром нужна была лишь как репетиция, как возможность почувствовать свои возможности, осознать, на что способны одиннадцать человек, действующих едино. Гвоздь не знал, что было на уме у Панциря, и готов ли тот предложить парням что-то серьёзное. Но начало было грамотным. Ещё вчера они считали себя ни на что не претендующими обывателями, а сегодня это были бойцы, готовые заявить свои права на установление уличных порядков.

Да, у Чернокостинска есть другие хозяева. Те, что сидят по кабинетам и офисам. Но их власть держится на силе бумажек. А власть бумажек — разве это власть? Нет. Реальная власть у человека с ружьём, у того, кто готов пройти армейскими ботинками по бумажкам с любыми печатями. Вот какую мысль сумел донести Панцирь до умов этих парней простым разгоном сопляков.

Впрочем, улицы Чернокостинска кишмя кишели теми, кто мог с лёгкостью поставить команду Панциря на место. Это были гопники.

Конец ознакомительного фрагмента